

Цзи Гуаньци действительно зацепило в недавней стычке, но рана была пустяковой. Весь этот немощный вид он напустил на себя лишь с одной целью — поскорее выставить Сяо Танцина за дверь. Одному небу известно, каких трудов стоило Цзи Гуаньци сдерживаться и не пустить в ход оружие при виде этого человека.

Шаги за дверью мало-помалу затихли, пока не растаяли в ночной тишине. Цзи Гуаньци остался сидеть на постели. Духовная энергия в его меридианах циркулировала лениво и туго, но главное — в этой жизни он очнулся до того, как искажение ци разорвало каналы изнутри. Раз уж он избежал тяжелых увечий, которые в прошлом воплощении надолго приковали его к постели, то теперь у него не оставалось ни единого предлога пропустить Торжественную церемонию ордена.

— Теперь остается только дождаться окончания Торжественной церемонии, — едва слышно пробормотал он и тяжело вздохнул.

Ему безумно хотелось, чтобы эти несколько дней прошли спокойно, без лишних потрясений и внезапных бед.

По ночам в бамбуковой роще заметно холодало. Прежде чем выйти на воздух, Цзи Гуаньци привычно накинул на плечи плотное верхнее одеяние. Его духовные силы не шли ни в какое сравнение с выдающимся талантом двух младших соучеников; к тому же старые раны меридианов давали о себе знать — холод он переносил из рук вон плохо.

На этой уединенной вершине, в притулившемся среди зарослей деревянном доме, он жил совсем один. Соседние комнаты пустовали. Сяо Танцин, которого он так удачно вывел из себя, скорее всего, ушел остудить пыл и потренироваться на задний склон горы, а третий шиди, Цяо Ю, все еще странствовал в дальних землях и пока не торопился возвращаться в орден Сюаньтянь.

Луна сияла высоко в небе, затмевая своим холодным блеском редкие звезды, а в вышине, испуганно кружа, устремлялись к югу потревоженные птицы.

Шорох бамбуковых листьев вторил его шагам. Слишком много мыслей роилось в голове, не давая сомкнуть глаз, и Цзи Гуаньци не нашел ничего лучше, кроме как выйти на прогулку. В руке он привычно сжимал серебряные ножны. Меч Благородного Мужа — его духовное оружие, неразрывно связанное с самой душой — никогда не покидал хозяина. Само имя клинка перекликалось с именем Цзи Гуаньци, ведь «Гуаньци» означало «наблюдать за игрой в шахматы», а старая мудрость гласит: «Истинный благородный муж следит за игрой молча».

Меч и заклинатель делили одну судьбу на двоих: погибнет один — не станет и другого. Должно быть, в прошлой жизни, когда Цзи Гуаньци встретил свой страшный конец, этот верный клинок тоже разлетелся на куски.

Вдруг из бамбуковой чащи с шумным хлопаньем крыльев вырвалась испуганная птица. Пальцы Цзи Гуаньци мгновенно легли на рукоять, и он резко развернулся, вглядываясь в темноту.

— Кто здесь?! — вырвалось у него.

В то самое мгновение, когда взлетела птица, он отчетливо уловил колебание чужеродной духовной энергии. Однако стоило ему сосредоточиться и прощупать местность внутренним взором, как все стихло. Словно это было лишь наваждение, рожденное ночными шорохами.

Насколько Цзи Гуаньци помнил, в его прошлой жизни Торжественная церемония обошлась без происшествий. Но стоило ему переродиться, как ход событий мог дать трещину, порождая непредвиденные искажения. Он осторожно двинулся в ту сторону, откуда только что взлетела птица.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как из полумрака наискось метнулся холодный блеск клинка. На чистом рефлексе Цзи Гуаньци вскинул ножны, отражая выпад. Нападавший, судя по всему, тоже никак не ожидал встретить здесь старшего соученика. Он спешно осадил свое оружие и недовольно проворчал:

— Ты-то что тут забыл? Разве тебя не учили, что нельзя без спросу лезть туда, где тренируются? Если бы я тебя ранил, опять пришлось бы...

Договаривать он не стал, осекшись на полуслове.

— Мне не спалось, вот я и решил пройтись, — сухо отозвался Цзи Гуаньци, не желая пускаться в долгие объяснения. — Почувствовал странное колебание энергии и пришел проверить. Не думал, что застану тебя.

Он развернулся, намереваясь уйти, но тяжелая ладонь бесцеремонно опустилась ему на плечо, удерживая на месте. Без лишней суеты Цзи Гуаньци повел плечом, мягко, но решительно сбрасывая чужие пальцы.

— Младший брат Сяо, — негромко произнес он. Голос его звучал ровно и безучастно.

Сяо Танцин растерянно посмотрел на свою ладонь, упустившую добычу. В душе его шевельнулось глухое раздражение, которое стремительно разрасталось.

— Неужели ты не способен узнать мою духовную энергию? — Сяо Танцин явно счел слова шпикона дешевой отговоркой. — Придумал бы ложь поубедительнее. Что с тобой сегодня стряслось? Если не скажешь прямо сейчас, то потом и не пытайся — слушать не стану.

Прежде Сяо Танцин редко снисходил до разговоров со старшим братом. Случись подобное в прошлой жизни, Цзи Гуаньци непременно ухватился бы за возможность и принялся наставлять юношу, призывая к усердию в праведном учении и предостерегая от кривой дорожки демонического пути. Но теперь все было иначе. В памяти Цзи Гуаньци отчетливо горели те самые два смертоносных удара, которыми Сяо Танцин настиг его перед гибелью.

То, что он до сих пор не обнажил Меч Благородного Мужа и не вонзил его в грудь этого наглеца, свидетельствовало лишь о его феноменальном самообладании.

— Ты преувеличиваешь, шиди. Мне нечего тебе сказать. Наверное, из-за недавней сумятицы в меридианах я просто не признал твою ци, — ответил Цзи Гуаньци и плотнее запахнул плащ.

Поскольку он только что поднялся с постели, его волосы не были собраны в привычную строгую прическу под нефритовым венцом, а мягкими волнами рассыпались по плечам. В бледном лунном свете его лицо казалось болезненным и хрупким. Бросив эту фразу, он без лишних слов развернулся, намереваясь вернуться к себе.

— Наш наставник сегодня вышел из затвора. Ты знал об этом? — внезапно бросил ему в спину Сяо Танцин.

Цзи Гуаньци замер на месте. В прошлой жизни Бессмертный почтенный Чжэньнань в это время все еще пребывал в глубоком затворе. Даже когда Си Яо принимали в орден в качестве закрытого ученика, наставник передал волю через старейшин, так и не показавшись лично. Почему же теперь он нарушил уединение раньше срока?

Сердце тревожно екнуло. В душу закралось дурное предчувствие.

— Похоже, для тебя это новость, — хмыкнул Сяо Танцин. Сделав несколько размашистых шагов, он преградил шисюну дорогу. — Сегодня в полдень учитель неожиданно прервал медитацию и приказал активировать Великий Защитный Барьер Ордена. Весь Сюаньтянь подняли на ноги. Лично им были схвачены трое еретиков, которые проникли на территорию под видом благообразных заклинателей. Не вмешайся наставник вовремя, эти твари устроили бы резню среди новоприбывших учеников. И ты ничего об этом не слышал? Цзи Гуаньци, ты — старший ученик ордена! Мало того что твоя культивация застряла на месте, так ты теперь и за делами ордена уследить не в состоянии?

— Где сейчас Бессмертный почтенный? — глухо спросил Цзи Гуаньци.

— Снова вернулся в затвор, — Сяо Танцин недовольно нахмурился.

Обращение «Бессмертный почтенный» резануло слух. Обычно Цзи Гуаньци благоговейно звал его «учителем», и эта внезапная отстраненность заставила Сяо Танцина насторожиться. Вновь возникло то странное чувство, будто перед ним стоит чужак. Юноша с ног до головы окинул шисюна подозрительным взглядом:

— Обычно ты обо всем узнаешь первым в ордене. А теперь об этом гудит каждый угол, кроме твоей лачуги?

— Понятно, — обронил Цзи Гуаньци.

Услышав, что Чжэньнань снова заперся в своей пещере, он наконец незаметно перевел дух. Страх перед собственной гибелью все еще крепко сидел в его груди — липкий страх перед могущественным наставником и той чудовищной Расписной алебардой, уравнивающей небеса, что оборвала его жизнь.

— Цзи Гуаньци... — начал было Сяо Танцин, но старший брат безжалостно оборвал его.

— Я серьезно ранен и сейчас не в силах заниматься делами ордена, — отрезал Цзи Гуаньци. — Если у тебя лежит к этому душа, бери бразды правления в свои руки. И не нужно приходить ко мне с отчетами.

— Да как ты...

Договорить Сяо Танцин не успел. Цзи Гуаньци просто обошел его и скользнул во тьму, направляясь к своему деревянному домику.

— Серьезно ранен?.. — вполголоса повторил Сяо Танцин, пробуя эти слова на вкус.

Сам того не замечая, он переменялся в лице. Раздражение уступило место смутному беспокойству.

— Неужели и вправду так сильно зацепило? — тихо пробормотал он под нос.

Внешне Цзи Гуаньци не выглядел умирающим, но этот человек никогда не бросал слов на ветер. К тому же все знали, насколько ревностно старший шисюн относился к своим обязанностям: всегда упорядоченный, всегда лично вникающий в каждую мелочь, он ни за что не отмахнулся бы от забот ордена, будь у него хоть капля сил. Сложив все это в уме, Сяо Танцин поверил ему почти безоговорочно.

Тем временем «тяжелораненый» мастер уже подошел к своему жилищу. Он протянул руку к двери, но в самый последний миг замер. Пальцы бесшумно скользнули к эфесу. Сделав осторожный шаг в сторону от порога, Цзи Гуаньци внезапно выхватил меч и нанес стремительный удар.

Хлесткая волна истинной ци с грохотом рассекла воздух и распахнула хлипкую дверь. В комнате никого не оказалось, однако створки окна на противоположной стене были распахнуты настежь, легонько покачиваясь на петлях.

«Какая невероятная скорость»

Цзи Гуаньци сделал несколько быстрых шагов вперед и, оперевшись о подоконник, взгляделся в темноту. Незнакомца и след простыл.

Его чутье не ошиблось. На их уединенной вершине действительно объявился незваный гость, чья духовная мощь превосходила силы Сяо Танцина. Иначе его бессердечный второй шиди ни за что не проворонил бы чужака, проскользнувшего у него под самым носом.

— Что стряслось? — раздался тревожный голос Сяо Танцина.

Почувствовав мощный всплеск ци, он сломя голову бросился к домику. Цзи Гуаньци по-прежнему стоял у окна, а на косяке темнел глубокий, рваный след от удара, от которого все еще исходило едва заметное серебристое свечение — остаточное излучение Меча Благородного Мужа.

Сяо Танцин осторожно коснулся среза пальцем, но остаточная энергия меча оказалась столь острой, что мгновенно рассекла кожу, выступила капелька крови. Юноша поджал губы и хмуро посмотрел на старшего брата:

— Зачем ты обнажил оружие? Сюда кто-то проник? Ты ведь ранен, как у тебя вообще ума хватило тратить духовные силы на столь мощный выпад?

Цзи Гуаньци проигнорировал вопрос. Он лишь одарил младшего холодным, косым взглядом, после чего молча прошел к постели, уселся со скрещенными ногами и прикрыл глаза. Всем своим видом он показывал, что до крайности истощен и не намерен вести пустые разговоры.

Если притворная слабость поможет избавить его от назойливого внимания, то почему бы и не разыграть эту карту?

— Я побуду снаружи. Если что-то понадобится — зови, — буркнул Сяо Танцин, решив, что шисюн собирается медитировать для исцеления ран. Он привалился плечом к косяку со стороны улицы и добавил: — Раз уж я называю тебя старшим братом, ты вполне можешь положиться на меня. К чему это упрямство? Надорвешься ведь и пропустишь Торжественную церемонию, а оно того не стоит.

Слова звучали на редкость участливо и тепло, истинная братская забота. Вот только у нынешнего Цзи Гуаньци они вызывали лишь горькую, издевательскую усмешку.

Не случись с ним кошмара прошлой жизни, он, пожалуй, принял бы эту фальшивую монету за чистую правду. Но память хранила иное. Когда в прошлом воплощении он, израненный и затравленный, молил Сяо Танцина о помощи, тот лишь холодно взирал на него сверху вниз, безглаголиво процедив сквозь зубы:

— Мелкий пакостник со змеиным сердцем.

Цзи Гуаньци плотнее сомкнул веки, пряча бушевавшие в душе чувства в самые темные глубины разума. План был прост: дожидаться окончания празднеств, дожидаться, пока снимут

Великий Защитный Барьер, а затем под любым благовидным предлогом навсегда покинуть орден Сюаньтянь.

Он прекрасно знал, что ждет Сяо Танцина впереди. Тот допустит роковую ошибку в культивации, сойдет с истинного пути и примкнет к еретикам, после чего все праведные ордена объявят на него охоту. В прошлый раз Цзи Гуаньци, не щадя собственной жизни, укрывал его от гнева мира. В этой жизни он и пальцем не пошевелит. Он будет со стороны молча наблюдать, к какому бесславному концу приведет Сяо Танцина его гордыня.

— Эй, Цзи Гуаньци, — негромко позвал Сяо Танцин, даже не подозревая, какие мрачные бездны скрываются за безмятежным лицом человека на постели. Он запрокинул голову, глядя на серебряный диск луны. — Хочешь знать, что я больше всего в тебе ненавижу?

В ответ не раздалось ни звука.

— Твою вечную болтовню, — сам себе ответил Сяо Танцин. — И то, как ты со своими ничтожными силами вечно лезешь на рожон, пытаешься прыгнуть выше головы.

Сяо Танцин подумал, что если бы шисюн всегда оставался таким же немногословным и тихим, как сегодня, это было бы просто прекрасно. Глядишь, со временем у него самого поднялось бы настроение, и он даже снизошел бы до того, чтобы уважительно величать его «старшим братом».

Ведь этот простофиля больше всего на свете любил, когда они с Цяо Ю выказывали ему хоть каплю почтения.

<http://bllate.org/book/20080/1994982>